

ПРЕДВЫБОРНЫЕ МЕНАСИВЫ КАК РЕГУЛЯТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИИ

О.В. Новоселова

Автор статьи рассматривает предвыборные высказывания-угрозы как регулятивные менасивные действия политического деятеля, адресованные избирателем и направленные на оказание определенного прагма-эмоционального воздействия на них. В статье описана прагматическая специфика предвыборных менасивных регулятивов и предложена совокупность параметров, определяющих их воздействующий потенциал.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предвыборная угроза, менасивный регулятив, вербальное поведение, политическая коммуникация, дискурс угрозы

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина. olvnov@mail.ru

Цитирование: Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как регулятивы политической дискурсии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2022, № 3. – С. 73–85. Режим доступа: www.tverlingua.ru

PRE-ELECTION MENASIVES AS REGULATIVES OF POLITICAL COMMUNICATION

Olga V. Novoselova

The author of the article considers pre-election statements-threats as politician's regulative menasive actions addressed to the voter and aimed to provide a certain pragma-emotional effect on them. The article describes the pragmatic specifics of pre-election menasive regulatives and proposes a set of parameters that determine their influencing potential.

KEY WORDS: pre-election threat, menasive regulative, verbal behavior, political communication, threat discourse

NOVOSELOVA Olga V. – DSc in Philology, Docent, Docent of the chair of Humanities and Design of Kosygin Russian State University. olvnov@mail.ru

Citation: Novoselova O.V. Pre-election menasives as regulatives in political communication [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2022, № 3. – P. 73–85. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение

Речевое общение представляет собой некое игровое поле, на котором сталкиваются человеческие желания, надежды и верования. Каждый человек вступает в процесс общения со своей собственной «картиной мира», имея не только определенное отношение к предполагаемому собеседнику и к теме разговора, но и свое представление о том, как должна протекать коммуникация именно в данный момент, в данном месте и именно с данным партнером: *Я – здесь и сейчас*. Диалогическая интеракция в ее подлинном смысле – это встреча различных субъективных миров, различных сознаний, связанных с сопереживанием по поводу общего предмета, а это означает, что в процессе диалогического общения каждый из собеседников вынужден «приоткрывать» свой внутренний мир и «впускать» в него чужой (Романова, 2009: 122-123).

Цель говорящего в процессе общения – оказать воздействие на своего собеседника, повлиять на него, убедить в своей правоте, заставить что-то сделать или принять какую-либо точку зрения (Романов, 1988). Поэтому в диалогическом взаимодействии коммуникант сообщает партнеру о своих намерениях с помощью репликового шага и ожидает, в свою очередь, от партнера, что тот, сопоставив полученную информацию со своей системой знаний, отреагирует на нее в соответствии с типовым фреймовым сценарием (подробнее о типовых фреймах см.: Романов, 1988; 2020). Примечательно, что даже при наличии «общих целей или хотя бы направления диалога» (Грайс, 1985: 221-222) интерактивный процесс общения предполагает постоянное, непрекращающееся противоборство различных мнений, суждений и мировоззренческих взглядов, так как каждый собеседник,

участвуя в коммуникативном обмене, неизбежно и постоянно оказывается перед выбором – принять или отвергнуть сказанное партнером по диалогу.

Следует отметить, что ожидания участников интерактивного процесса не всегда оправдываются, поэтому в условиях социальной интеракции у них есть возможность корректировать типовой фреймовый сценарий для достижения выбранных ими коммуникативных целей и продолжать диалог до тех пор, пока они не решат задачу общения. Иначе говоря, собеседники осуществляют *регулятивную деятельность*, которая является одной из разновидностей целенаправленной деятельности коммуникантов и представляет собой систему скоординированных действий партнеров, используемых для управления общением в соответствии с целями и речевыми стратегиями (Романов, 1988: 6-8; 2020). Регулятивность реализуется в процессе интеракции путем определенного воздействия коммуникантов друг на друга с помощью *регулятивов* (подробнее о регулятиве и теории регулятивной деятельности см.: Романов, 1988; 2005; 2020), маркированных некоторым набором языковых средств.

Исследование

В условиях социальной интеракции каждый коммуникант может определенным образом отреагировать на реплику своего партнера по общению: *согласиться* с высказанной в ней точкой зрения собеседника и его способом развертывания типового фрейма или *не согласиться* с ней, предложив иной типовой фрейм. При этом у собеседников есть возможность скорректировать ход интерактивного взаимодействия и направить его в русло решения совместных коммуникативных задач с помощью регулятивных действий, маркированных высказываниями различной интенциональности. Такая корректировка осуществляется на основе анализа ответной вербальной или невербальной реакции собеседника и позволяет участникам диалога успешно продвигаться к реализации типовых фреймов.

Например, участники следующего дискурсивного фрагмента с помощью менасивных высказываний корректируют вербальное поведение друг друга (об участии менасивов в регулятивной деятельности коммуникантов см.: Романов, Новоселова, 2020; 2021а):

*Сторож, седой, горбоносый, с медалями на груди, растолкал толпу и сказал Букину, **грозя пальцем**:*

– Эй, не кричи! Кабак тут?(1)

*– Позвольте, кавалер, я понимаю! Послушайте – **ежели я вас ударю и я же вас буду судить, как вы полагаете...** (1')*

*– **А вот я тебя вывести велю отсюда!** – строго сказал сторож. (2)*

– Куда же? Зачем?(2')

– На улицу. Чтобы ты не орал... (3)

Букин осмотрел всех и негромко проговорил:

– Им главное, чтобы люди молчали... (4)

– А ты как думал?! – крикнул старик строго и грубо (4') (Горький, 1972: 342).

Примечание. Здесь и далее менасивы выделены полужирным курсивом, репликовые шаги инициатора диалога пронумерованы цифрами, репликовые шаги адресата – цифрами с апострофом '. Под менасивным высказыванием, менасивом или высказыванием со значением угрозы понимается естественно-языковая практика коммуникативного проявления в виде определенных образований, объединенных вокруг иллокутивной доминанты, активизирующей в рамках типового фреймового пространства (фреймовой конфигурации) побуждение адресата – единичного, группового или массового – к совершению каузируемых действий или отказу от них с декларированием возможных последствий, способных породить в ментальном пространстве адресата аффицированное или дискомфортное эмоциональное состояние (Романов, Новоселова, 2021: 7-8).

В приведенном диалогическом отрывке на директивное высказывание инициатора взаимодействия (1) «Эй, не кричи» последовал ответный менасив

(1') «*Послушайте – ежели я вас ударю и я же вас буду судить, как вы полагаете...*», автор которого выразил свое несогласие с выбранным инициатором директивным фреймом и попытался перехватить коммуникативную инициативу в диалоге (подробнее о коммуникативной инициативе см.: Романов, 1990; 2006). Однако инициатору взаимодействия удалось восстановить свое лидерство в диалоге (о лидерстве в диалоге см.: Романов, 2006: 133-134) с помощью менасива (2) «*А вот я тебя вывести веляю отсюда!*». Получается, что собеседники избежали коммуникативного рассогласования и восстановили согласованный ход диалога, так как они оказались в состоянии оценить пресуппозицию (Романов, 1986; 2005) и возможные последствия от реализации санкционных действий в отношении друг друга.

Упомянутый выше дискурсивный фрагмент свидетельствует о том, что менасивные высказывания, реализованные в условиях социальной интеракции, могут вызывать негативную ответную реакцию, способствуя конфронтации собеседников, что отчетливо прослеживается на стыке репликовых шагов (1') и (2), а также они могут восстанавливать ход согласованного диалога, что проявляется на стыке репликовых шагов (2) и (2'). Отмеченные обстоятельства позволяют утверждать, что высказывания-угрозы выступают в качестве **менасивных регулятивных действий** (Романов, Новоселова, 2021), позволяющих партнерам по диалогу оказывать запланированное прагма-эмоциональное воздействие друг на друга и направлять диалогическое взаимодействие в русло конструктивного или деструктивного решения коммуникативных задач.

На фоне широких возможностей регулятивной деятельности участников социальной интеракции авторы письменно зафиксированных предвыборных программ такой возможностью не обладают. Более того, политику как автору предвыборной программы достаточно сложно определить, какое прагма-эмоциональное воздействие оказывают на адресата его высказывания различной интенциональности – в том числе и менасивной,

так как он не имеет возможности получить непосредственную (мгновенную) ответную реакцию избирателей. Конечно, на результатах выборов отразится прагма-эмоциональное воздействие предвыборной программы политика на адресата – единичного, группового или массового, но эти результаты будут скорее свидетельствовать об эффективности всей предвыборной кампании того или иного политика и влиянии его политического имиджа, харизмы, а не отдельных высказываний программных материалов. Кроме того, политик не обладает возможностью скорректировать воздействие своих предвыборных материалов на избирателей, так как программы являются письменно зафиксированными документами, распространяемыми как в печатном, так и в электронном виде.

В силу сказанного оценка интенсивности прагма-эмоционального воздействия регулятивных действий политика представляется достаточно сложной, так как «функционально-семантическая специфика отдельного репликового шага может быть выявлена только в процессе обмена шагами для решения намеченной коммуникативной цели», а реализация политическим деятелем определенных речевых действий в программных материалах не предполагает «поочередную направленность процесса воздействия собеседников друг на друга» (Романов, 2006: 134). К тому же предвыборная дискурсия – это не интеракция двух коммуникантов, в которой один из них начинает диалог – инициатор, а другой – адресат – продолжает (Романов, 2006), в ней отсутствуют проявления ролевых исполнений коммуникантов, что не позволяет выяснить информацию, характеризующую отношение говорящего к предыдущему речевому и / или неречевому действию своего партнера.

Тем не менее, опираясь на анализируемые материалы, со всей очевидностью можно утверждать, что предвыборная программа являет собой дискурсивное проявление политика (или его предвыборный дискурс), состоящее из совокупности речевых – регулятивных – действий различной интенциональной направленности, целью которого является оказание

прагма-эмоционального воздействия на массовую аудиторию для побуждения её проголосовать за автора этой программы. В условиях агональной политической дискуссии предвыборные программы ориентированы на оказание запланированного политиком прагма-эмоционального воздействия на избирателей, а политики, несмотря на отсутствие мгновенной ответной реакции массового адресата, уделяют большое внимание подготовке программных материалов, стараясь отразить в них не только предлагаемые пути развития страны, но и выбрать те языковые средства, с помощью которых им удастся оказать запланированное воздействие на электорат.

Не вызывает сомнений, что для воздействия на массовое сознание избирателей политики используют такие регулятивные средства предвыборной коммуникации как политические лозунги, обещания и различного рода гарантии, принцип работы которых понятен и логичен: политик обещает, а избиратель, если верит в обещание, то голосует за него, а если не верит, то предпочитает иного кандидата. Вполне очевидно, что в политических высказываниях-обещаниях кандидат строит образ будущего, в котором будут решены актуальные проблемы страны и созданы благополучные условия для жизни граждан, например: *«Я предлагаю пойти навстречу такому будущему и сделать Россию прогрессивным и процветающим государством, которое уважает своих граждан и заботится об их развитии, благосостоянии и безопасности»* (Явлинский) и др.

При этом особое место в системе регулятивных средств предвыборной дискуссии занимают менасивы, механизм воздействия которых на массовое сознание избирателей до конца не изучен (ср. однако: Романов, Новоселова, 2021; 2021a), но которые активно используются претендентами на самый высокий политический пост в стране. Важно отметить, что в высказываниях-угрозах политик не строит образ «светлого» будущего для избирателей, а, наоборот, целенаправленно возвращает их к реальности: к экономическим,

социальным и политическим проблемам, а также к осознанию необходимости бороться за улучшение ситуации в стране и выбирать того кандидата, который сможет преодолеть вызовы современности, например: *«Пора вести обстоятельный диалог и находить точки соприкосновения, чтобы снять санкции и отменить антисанкции, которые наносят большой вред экономике и уровню жизни людей в России»* (Явлинский); *«Российские неолибералы продолжают вести страну по пути дальнейшей «коммерциализации жизни» во всех сферах, в том числе, таких жизненно важных для людей, как медицина, образование, снабжение продовольствием, жилищно-коммунальное обеспечение, они толкают Россию к дальнейшей нравственной, физической, технологической деградации»* (Бабурин). Получается, что в программных материалах политики реализуют менасивные регулятивы целенаправленно, решая коммуникативную задачу воздействия на массовое сознание избирателей возможными негативными последствиями или санкциями для того, чтобы побудить их проголосовать за свою кандидатуру.

Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость рассмотрения предвыборных высказываний-угроз как особого дискурсивного проявления политика, направленного на привлечение внимания избирателей к своей кандидатуре, с позиций деятельного подхода к общению (Романов, 1988; 2020). Согласно выбранному подходу высказывания-угрозы, зафиксированные на материале программных материалов политиков-кандидатов, представляют собой единицы особого плана – ***предвыборные менасивные регулятивы***, в формировании воздействующего потенциала которых принимают участие различные средства языковой репрезентации высказываний со значением угрозы. В этой связи приобретают особую значимость вопросы о механизме целевого взаимодействия, представленного в виде типового фрейма «предвыборная угроза», его природе и функционировании в условиях агональной политической дискурсии, о роли

языковых средств, участвующих в формировании регулятивных действий менасивной направленности кандидатов на тот или иной политический пост.

С позиций выбранного деятельного подхода к общению, который ставит во главу угла положение о практическом характере языка как инструмента для достижения определенных целей (Романов, 1988: 4-5), анализ прагматического содержания предвыборных менасивов направлен на установление и интерпретацию в них элементов, несущих информацию о намерениях или интенции говорящего, его позициях относительно внешней действительности и самого акта социальной и коммуникативной деятельности, так как любое высказывание, как продукт речевой деятельности, выступает в виде инструмента или средства при воздействии на адресата для реализации определенной языковой задачи.

В рамках выбранного ракурса исследования целесообразно обратить внимание не только на функционирование в программных материалах политика регулятивных менасивных действий, но и на способы оценки прагма-эмоционального воздействия таких регулятивов на избирателей. В частности, важно выяснить, *как* политику удастся показать преимущества предлагаемой им программы развития государства, используя менасивные регулятивы; *кому* и *чем* он угрожает, чтобы привлечь внимание электората; *какого количества* предвыборных высказываний-угроз будет необходимо и достаточно для оказания запланированного прагма-эмоционального воздействия на избирателей, а также *от кого* из политиков избиратели ожидают или, наоборот, не ожидают реализации высказываний со значением угрозы.

В этой связи может быть предложена следующая совокупность параметров, составляющих воздействующую характеристику предвыборных менасивов:

– адресатная направленность следственного (консеквентного) компонента высказываний-угроз;

- тематическая составляющая (тематика) следственного (консеквентного) компонента высказываний-угроз;
- количественный показатель частотности реализации менасивов в предвыборной программе политического деятеля;
- прогностические ожидания избирателей менасивных высказываний в предвыборной программе того или иного политического деятеля.

Выводы

Таким образом, для описания закономерностей функционирования предвыборных менасивных регулятивов в политическом дискурсе представляется целесообразным учитывать ряд параметров. В частности, для исследования воздействующего потенциала предвыборных менасивов следует принимать во внимание адресатную и тематическую направленность консеквентных компонентов высказываний-угроз, а также количественный показатель частотности реализации менасивов в предвыборной программе политического деятеля. Кроме того, важно учитывать ожидания избирателями менасивных регулятивов в предвыборной программе того или иного политического деятеля. Анализ предлагаемой совокупности параметров позволит выделить адресатные и тематические разновидности менасивов, которые функционируют в предвыборной дискурсии с целью побуждения избирателей проголосовать за политика, а также сравнить предвыборные программы политиков по количественному показателю частотной реализации менасивов, принимая во внимание ожидания избирателями высказываний-угроз от того или иного политического деятеля.

Ссылки – References in Russian

Грайс, 1985 – *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217-237.

Новоселова, 2013 – *Новоселова О.В.* Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 32. – С. 72-84. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, 1986 – *Романов А.А.* Регулятивность прагматических транспозиций в тексте // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – М., 1986. – С. 113-126.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 1990 – *Романов А.А.* Коммуникативные стратегии лидера в диалогическом общении // Сопещение-семинар «Этнопсихоллингвистические аспекты речевого общения». – Самарканд, 1990. – С. 121-128.

Романов, 2005 – *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва: Институт языкознания РАН, 2005. – 153с.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006. – С.133-155.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.

Романов, Новоселова, 2020 – *Романов А.А. Новоселова О.В.* Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2020. – № 1. – С. 44–52. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44.

Романов, Новоселова, 2021 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // Вопросы психоллингвистики. – 2021, № 2 (48). – С. 96-117.

Романов, Новоселова, 2021a – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный

анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романова, 2009 – *Романова Л.А.* Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. – 180 с.

References

Grice, G.P. (1985) Logic and verbal communication // *New in foreign linguistics*, № 16. Linguistic pragmatics, pp. 217-237. (In Russian)

Novoselova, O.V. (2013) Communicative-constructive space of regulative menasive actions // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, № 32, pp. 72-84. – URL: <http://tverlingua.ru> (In Russian)

Romanov, A.A. (1986) Regulativity of pragmatic transpositions in the text // *Grammar and semantic studies of languages of different systems*, Moscow, pp. 113-126. (In Russian)

Romanov, A.A. (1988) *Systems analysis of the regulatory means of dialogical communication*, Moscow, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, 183 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (1990) Leader's communicative strategies in dialogic communication // *Seminar "Ethnopsycholinguistic aspects of speech communication"*, Samarkand, pp. 121-128. (In Russian)

Romanov, A.A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative statements-requests*, Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 153 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2006) Speaker's communicative initiative in a dialogue // *Linguistic Mosaic: Selected*, Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, pp.133-155. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Linguopragmatic model of speech control of the dialogue: system analysis with examples from Russian and German*, Moscow URSS (LENAND), 264 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Pre-election threats as a special pragmatic type of statements // *Journal of the Northern (Arctic) Federal University. Series Humanities and Social Sciences*, 1, pp.44-52. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) Linguistic and cognitive analysis of the convergent space of the threat construct // *Journal of Psycholinguistics*, 2 (48), pp. 96-117. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasive constructs of electoral discourse: Linguo-cognitive analysis of materials from the 2018 presidential campaign programs*, Moscow, Flinta, 440 p. (In Russian)

Romanova, L. A. (2009) *Structural and semantic aspects of performatives in the functional paradigm of language*, Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 180 p. (In Russian)